

*Посвящается Наоми.
По-прежнему*

От автора

В определенной степени в романе затронуты юридические аспекты законодательства штата Мэн, касающиеся детской опеки. В этих вопросах я обращался за помощью к моему другу Уоррену Салверу, превосходному адвокату. Уоррен терпеливо разъяснял мне все юридические тонкости, а по ходу дела рассказал о старинном устройстве, называемом стеномаской, которое я незамедлительно использовал уже для своих целей. Если в тексте романа внимательный читатель найдет какие-то ошибки по юридической процедуре, вините меня, а не моего советника. Уоррен также просил меня, правда, не слишком настойчиво, ввести в состав персонажей «хорошего» адвоката. Отмечу, я сделал все, что мог.

Благодарю также моего сына Оуэна, который оказал мне неоценимую помощь в Вудстоке, штат Нью-Йорк, и моего друга Ридли Пирсона, который помогал мне в Кетчуме, штат Айдахо. Выражаю благодарность Пэм Дорман за добрые слова, высказанные после прочтения первого варианта романа. Спасибо Чаку Верриллу за великолепную редактуру. Тебе я особо признателен, Чак. Благодарю Сюзан Молдоу, Нэта Грехэма, Джека Романоса и Кэролайн Райди из издательства «Скрибнер» за заботу и поддержку. И разумеется, огромное спасибо Тэбби, которая находилась рядом со мной, как бы ни было трудно. Я люблю тебя, цыпленок.

Стивен Кинг

Да, Бартлби, оставайся за своей ширмой, думал я, более я не буду наказывать тебя; ты безвреден и бесшумен, как и любой из этих старых стульев; короче, своим присутствием ты не нарушаешь моего уединения.

Герман Мелвилл. Бартлби

Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли... А стоя там, притихшая, испуганная, могла поклясться, что дом этот — не пустая оболочка, что он живет и дышит, как встарь.

Дафна Дюморье. Ребекка

Марс — это рай.

Рэй Брэдбери

Глава 1

Одним очень жарким августовским днем 1994 года моя жена сказала, что ей надо съездить в Дерри: врач выписал ей рецепт, по которому она могла купить в «Райт эйд»* ингалятор, а то совсем насморк замучил. Насколько я понимаю, теперь эти баллончики продаются совершенно свободно. Я уже выполнил дневную норму, отбарабанил положенное количество страниц, а потому предложил съездить за ним. Она с благодарностью отказалась, мотивировав свое решение тем, что потом хотела заскочить за рыбным филе в супермаркет. Одним выстрелом убить двух зайцев, и все такое. Она послала мне воздушный поцелуй и отбыла. В следующий раз я увидел ее на экране монитора. Так нынче в Дерри опознают мертвых. Не ведут тебя подземным, выложенным зеленой плиткой коридором, под потолком которого горят флуоресцентные лампы-трубки, не выкатывают обнаженное тело. Ты просто заходишь в комнатку с табличкой ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН, смотришь на экран монитора и говоришь, да или нет.

«Райт эйд» и «Шопуэлл» отделяет от нашего дома чуть меньше мили. Там расположен торговый центр местного значения, где еще есть видеосалон, буки-

---

* Сеть недорогих аптечных магазинов, принадлежащих одноименной корпорации. — *Здесь и далее примеч. пер.*

8 нистический магазин НЕСИ СЛОВО БЛИЖНЕМУ (у них, кстати, неплохо распродаются мои старые книги, выпущенные в карманном формате), «Рэдио-шэк»* и фотомастерская. Находится торговый центр на Ап-Майл-Хилл, на пересечении Уичхэм- и Джексон-стрит.

Она припарковала автомобиль перед «Блокбастер видео»**, прошла в аптечный магазин, у аптекаря***, мистера Джоя Уайзера (тогда он работал в Дерри, а теперь перебрался в «Райт эйд» в Бангоре), получила по рецепту ингалятор. Уже на кассе прикупила маленького шоколадного мышонка с начинкой из маршмэллоу. Я нашел мышонка позже, в ее сумочке. Развернул и съел, сидя у кухонного стола, куда вывалил содержимое ее красной сумки, которую она обычно носила на плече. Все равно что принял причастие. А когда во рту и горле остался только привкус шоколада, у меня из глаз хлынули слезы. Я сидел, склонившись над ее салфетками, косметикой, ключами, и плакал, закрыв лицо руками. Как ребенок.

Ингалятор лежал в белом фирменном пакете «Райт эйд». Он стоил двенадцать долларов восемнадцать центов. В пакете лежала еще одна покупка, стоимостью двадцать два доллара пятьдесят центов. Я долго смотрел на эту покупку, видел ее, но не понимал, каким образом она могла попасть в пакет «Райт эйд». Меня удивила эта покупка, более того, потрясла, но мысль о том, что Джоанна Арлен Нунэн могла вести другую жизнь, о которой я ничего

---

* Сеть магазинов, специализирующихся на продаже бытовой электроники и товаров для радиолюбителей.

** Крупнейшая в стране сеть видеосалонов, принадлежащая компании «Блокбастер энтертеймент».

*** В аптечном магазине непосредственно аптека занимает один-два прилавка.

не знал, не пришла мне в голову. Во всяком случае, в тот момент. 9

Расплатившись, Джо направилась к двери, вышла в яркий солнечный день, сменила обычные очки на солнцезащитные, как рекомендовал ей врач, и едва выступила из-под навеса (здесь я, возможно, что-то и выдумываю, это профессиональное, знаете ли, но совсем чуть-чуть, невелика разница, сколько шагов отделяло ее от аптеки — два, три или четыре), как раздался препротивнейший скрип намертво схваченных тормозами колес по асфальту. Звук этот означал, что столкновение или уже произошло, или до контакта металл — металл оставались доли секунды.

На этот раз столкновение таки произошло, авария типичная для этого Х-образного перекрестка. Не проходило и недели, чтобы на нем не «поцеловались» машины. «Тойота» модели 1989 года выезжала со стоянки торгового центра, поворачивая налево, на Джексон-стрит. За рулем сидела миссис Эстер Эстерлинг, проживающая в Барреттс-Орчардсе. Ехала она с подругой, миссис Ирен Дорси, также из Барреттс-Орчардса. Последняя заглядывала в видеосалон, но не смогла подобрать ничего интересного. Сплошное насилие, пожаловалась она Эстер. Обе женщины давно уже овдовели.

Эстер не могла не заметить оранжевый грузовичок департамента общественных работ, хотя заявила, что в глаза его не видела, и полиции, и репортерам, и мне, когда я беседовал с ней два месяца спустя. Я более чем уверен, что она просто не посмотрела по сторонам, выезжая со стоянки. Как, бывало, говаривала моя мать, тоже вдова: «У стариков две наиболее распространенные болезни: артрит и забывчивость. Их вины в этом нет никакой».

За рулем грузовичка, принадлежащего департаменту общественных работ, сидел Уильям Фрейкер из Олд-Кейпа. Незадолго до дня смерти моей жены ему исполнилось тридцать восемь лет, ехал он без рубашки, мечтая о холодном душе и холодном пиве. А может, наоборот, о холодном пиве и холодном душе. Он и еще трое мужчин восемь часов лопатили асфальт на Харрис-авеню, неподалеку от аэропорта. Жаркая работа в жаркий день, и Билл Фрейкер признал, что ехал он чуть быстрее положенного, может, со скоростью сорок миль в час, хотя на знаке ограничения скорости стояла цифра тридцать. Ему не терпелось добраться до гаража, сдать грузовичок и сесть за руль собственного «F-150», оборудованного кондиционером. Опять же тормозная система грузовичка, пусть прошедшего техосмотр, оставляла желать лучшего. Фрейкер ударил по тормозам, как только увидел «тойоту», вырливающую прямо перед ним на основную дорогу (ударил и по клаксону), но быстрота его реакции уже ничего не могла изменить. Он услышал скрип шин грузовичка и «тойоты»: Эстер наконец-то заметила нависшую над ней опасность, и в самое последнее мгновение Фрейкер увидел ее лицо.

— Пожалуй, для меня это самое ужасное воспоминание, — признался он мне, когда мы сидели на его крыльце и пили пиво. Уже в октябре, солнце еще согревало лица, но мы оба надели свитера. — Вы же знаете, как высоко расположено сиденье на этой модели грузовиков? — Я кивнул. — Так вот, она подняла голову, вытаращившись на меня, и солнце било ей прямо в лицо. Я еще отметил, какая же она старая. Помнится, подумал: «Господи, если я не смогу остановиться, она сейчас разобьется, как фарфоровая статуэтка». Но на самом деле старики куда крепче молодых. Тут они многим мо-

гут дать фору. Посмотрите, как все обернулось. Обе старушки до сих пор живы, а ваша жена... 11

Тут он замолчал, густо покраснев, словно мальчуган на школьном дворе, которого осмеяли девочки, увидев, что у него не застегнута ширинка. Комичное, конечно, зрелище, но я не позволил себе даже улыбнуться, чтобы окончательно не смущать его.

— Мистер Нунэн, извините, пожалуйста. Язык у меня ну просто без костей.

— Все нормально, — заверил я его. — Во всяком случае, худшее я уже пережил. — В этом я, конечно, солгал, но зато мы вернулись к интересующей меня теме.

— Короче, мы столкнулись. Заскрежетало железо — прогнулась дверца со стороны водителя «тойоты», зазвенело разбитое стекло. Меня швырнуло на рулевое колесо с такой силой, что я потом с неделю не мог глубоко вдохнуть. И здесь образовался здоровенный синяк. — Он указал на грудь пониже ключицы. — Крепко приложился головой к ветровому стеклу, но оно не разбилось, а я отделался лишь шишкой. Кровь не потекла, даже голова не болела. Моя жена говорит, все потому, что у меня очень крепкий череп. Я увидел, что женщину, сидевшую за рулем «тойоты», бросило в зазор между передними сиденьями. Когда наши автомобили наконец остановились, сцепившись посреди мостовой, я вылез из кабины посмотреть, сильно ли досталось старушкам. Честно говоря, я думал, что они обе уже мертвы. Но они не только не умерли, но даже не потеряли сознание, хотя миссис Эстерлинг сломала три ребра и вывихнула бедро. Миссис Дорси — она сидела на пассажирском сиденье, а удар пришелся на водительскую половину — отделалась легким со-

12   трясением мозга: ее ударило головой о боковое стекло.

Моя жена, Джоанна Арлен, родом из города Морлена, штат Массачусетс, лицезрела все это, стоя у аптеки. Сумка висела у нее на плече, пакет с покупками она держала в руке. Как и Билл Фрейкер, она, должно быть, подумала, что сидящие в «тойоте» погибли или получили серьезные увечья. В застывшем жарком воздухе скрежет столкновения прогремел, как выстрел из гаубицы. Да еще зазвенело бьющееся стекло. Автомобили застыли посреди Джексон-стрит. Грязный оранжевый грузовичок навис над светло-синей «тойотой», как воинственный родитель над проштрафившимся ребенком.

Джоанна побежала через автостоянку к шоссе. Как и многие другие. Одна из них, мисс Джилл Данбэрри, в момент столкновения разглядывала витрины «Рэдио-шэка». Вроде бы она помнила, как пробежала мимо Джоанны. Во всяком случае, в голове у нее отложилось, что она пробежала мимо женщины в желтых слаксах. К тому времени миссис Эстерлинг уже кричала, что ей очень больно, им обоим очень больно, и когда же наконец помогут ей и ее подруге Ирен.

Пробежав полстоянки, моя жена упала неподалеку от газетных автоматов. Сумка осталась у нее на плече, а пакет выскользнул из руки и из него наполовину вывалился ингалятор. Вторая покупка так и осталась в пакете.

Никто не заметил женщину, лежащую на асфальте рядом с газетными автоматами. В центре внимания, естественно, оказались столкнувшиеся автомобили, кричащие женщины, лужа вытекшей из радиатора грузовичка смеси воды и антифриза («Это бензин! — крикнул приемщик фотолаборато-

рии всем, кто хотел его слушать. — Это бензин! Будьте осторожны, друзья, как бы он не взорвался!»). Я полагаю, один или двое спешащих на помощь старушкам даже перепрыгнули через мою жену, полагая, что та просто лишилась чувств. Учитывая, что в тот день температура на солнцепеке зашкалила за сорок, нельзя считать подобное предположение алогичным.

Десятка два прохожих уже столпились на месте аварии, еще с десятков спешили от Стофорд-Парк, где проходил бейсбольный матч. Как я представляю себе, в эти минуты говорились все те слова, которые обычно произносятся в подобных ситуациях. Все суетились. Кто-то просунул руку сквозь разбитое стекло водительской дверцы, чтобы ободряюще пожать дрожащую старческую руку Эстер. Люди тут же расступились перед Джоем Уайзером: белый халат стал для него волшебным пропуском. Издалека донесся, нарастая с каждой секундой, вой сирены «скорой помощи».

Все это время моя жена лежала незамеченной на автостоянке, с сумкой через плечо (в которой так и остался нераспечатанным шоколадный мышонок с начинкой из маршмэллоу) и белым пакетом, отлетевшим на несколько дюймов от ее вытянутой руки. Обратил на нее внимание Джой Уайзер, спешивший в аптечный магазин, чтобы сделать компресс на голову Ирен Дорси. Он узнал мою жену, хотя та и лежала лицом вниз. Узнал по рыжеватым волосам, белой блузе и желтым слаксам. Узнал, потому что не прошло и четверти часа, как он обслужил ее.

— Миссис Нунэн? — позвал он, напрочь забыв о компрессе для пребывавшей в шоке, но явно избежавшей серьезной травмы Ирен Дорси. — Миссис Нунэн, с вами все в порядке? — Он уже знал (я бо-

14 лее чем уверен, что знал, но, возможно, я и ошибаюсь), что положительного ответа ему не услышать.

Он перевернул ее на спину. Двумя руками, и то ему пришлось присесть и поднапрячься. Сверху яростно светило солнце. Снизу жарил асфальт. После смерти человек, как известно, становится тяжелее.

На ее лице краснели пятна. На опознании я ясно видел их на экране монитора. Уже хотел спросить у судебного медика, что это за пятна, но внезапно понял, что и так все знаю. Август, раскаленный асфальт — элементарно, Ватсон. Моя жена, упав, получила ожог.

Уайзер поднялся, увидел подъехавшую машину «скорой помощи» и побежал к ней. Протолкался сквозь толпу и схватил одного из санитаров, вылезших из кабины.

— Там женщина! — Уайзер указал на автостоянку.

— Парень, тут у нас две женщины, да еще и мужчина. — Санитар попытался вырваться, но Уайзер держал его крепко.

— О них пока можно забыть. В общем, они легко отделались. А вот женщине совсем плохо.

Женщина умерла, и я готов спорить, что у Уайзера не оставалось в этом ни малейших сомнений... но он умел отличить главное от второстепенного. Отдадим ему должное. Короче, он убедил прибывшую медицинскую бригаду последовать за ним, несмотря на крики Эстер Эстерлинг и недовольный ропот толпы.

Когда они подошли к моей жене, врач «скорой» полностью подтвердил предположение Уайзера.

— Господи! — вырвалось у санитаря. — Что с ней случилось?

— Скорее всего сердце, — предположил врач. — Она переволновалась, вот сердце и не выдержало. 15

Но Джоанну подвело не сердце. Вскрытие показало аневризму, с которой она жила неизвестно сколько лет, может, и пять. А вот когда она побежала через автостоянку, истонченный сосуд не выдержал и лопнул, как воздушный шарик, заливая кровью жизненно важные мозговые центры. Смерть, возможно, не была мгновенной, сказал мне помощник патологоанатома, но наступила очень быстро... и Джоанна не страдала. Перед ее глазами все почернело, а ощущения и мысли исчезли еще прежде, чем тело коснулось асфальта.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, мистер Нунэн? — Помощник патологоанатома тактично отвлек меня от застывшего лица и закрытых глаз на экране монитора. — Есть у вас вопросы? Я отвечу на них, если сумею.

— Только один. — Я коротко рассказал ему о том предмете, что она купила в аптеке перед самой смертью. И задал вопрос.

Дни до похорон и сами похороны я помню смутно. Яркое воспоминание осталось только одно — я сижу на кухне, ем шоколадного мышонка Джо и плачу... плачу главным образом от того, что знаю — скоро от вкуса шоколада не останется и следа. Плакал я и еще один раз, через несколько дней после того, как Джоанну зарыли в землю. Об этом я вам коротко расскажу.

Меня порадовал приезд родственников Джо, а особенно прибытие ее старшего брата, Френка. Именно Френк Арлен — пятидесятилетний, краснощекий, с брюшком, шапкой черных волос, не-

16 подвластных седине, — все и организовывал... даже поцапался с владельцем похоронного бюро.

— Я не могу в это поверить, — честно признался я ему после похорон, когда мы сидели за столиком в баре и пили пиво.

— Он пытался содрать с тебя лишнее, Майки. Я ненавижу людей, готовых нажиться на чужом горе. — Он сунул руку в карман, достал носовой платок, вытер щеки. Трагедия не сломила его, она не сломила никого из Арленов, во всяком случае, в моем присутствии они держались молодцом, но из глаз Френка постоянно текли слезы, словно его замучил конъюнктивит.

Из шести детей Арленов Джо была младшей и единственной девочкой. Старшие братья пушинки с нее сдували. Подозреваю, если б они усмотрели в ее смерти хоть толику моей вины, меня бы разорвали в клочья. Но в сложившейся ситуации любовь и заботу они перенесли на меня, оградили от мира надежным щитом. Наверное, я смог бы пережить случившееся и без них, хотя и не знаю, как бы мне это удалось. Не забывайте, мне тогда было тридцать шесть. Обычно в таком возрасте жену не хоронят, особенно если она двумя годами моложе. О смерти в тридцать шесть как-то не думается.

— Если какого-то парня хватают за руку, когда он пытается украсть магнитолау из твоего автомобиля, этот поступок называют кражей и его сажают в тюрьму. — Арлены приехали из Массачусетса, и в голосе Френка я слышал молденский выговор, они немного акают, эти массачусетцы. — Если тот же парень пытается урвать с потрясенного утратой мужа четыре с половиной тысячи долларов за гроб, красная цена которому три тысячи, это называется

бизнесом и его просят выступить на ленче в Ротари-клуб*. Жадюга, черт бы его побрал.

17

Но я с ним разобрался, верно?

— Да. Более чем.

— Ты в порядке, Майки?

— Да.

— Честно?

— Слушай, откуда мне знать? — Тут я сорвался на крик, и несколько человек, сидящих за соседними столиками, повернулись к нам. — Она была беременна.

Его лицо окаменело.

— Что?

Я уже говорил чуть ли не шепотом:

— Беременна. Шесть или семь недель, согласнo... Ну, ты понимаешь, вскрытие показало. Ты не знал? Она тебе ничего не говорила?

— Нет! Господи, да нет же! — Но по его лицу ясно читалось: что-то она ему да говорила. — Я знал, что вы пытались... Это же естественно... она сказала, что у тебя уменьшенное количество сперматозоидов, поэтому на это требуется чуть больше времени, но доктор думает, что у вас... рано или поздно... — Он замолчал, уставившись на свои руки. — Они могут это определить? Они проверили?

— Могут определить. И проверили. Я не знаю, положено это проверять в подобных случаях или нет. Я попросил.

— Почему?

— Потому что перед смертью она купила не только ингалятор от насморка. Она также приобрела набор тестов для определения беременности.

— А ты об этом даже не догадывался?

---

* Местное отделение общественной организации «Ротари интернэшнл», объединяющей представителей деловых кругов.

18 Я покачал головой.

Он потянулся через стол, сжал мне плечо:
— Она хотела убедиться, что ошибки нет. Ты это понимаешь, не так ли?

Но она-то сказала, что поехала за ингалятором и рыбным филе. Чтобы все выглядело как обычно. Женщина, отправляющаяся за покупками. Мы восемь лет пытались зачать ребенка, но она и виду не подавала, будто произошло что-то из ряда вон.

— Конечно. — Я похлопал Френка по руке. — Конечно, дружище. Я понимаю.

Именно Арлены во главе с Френком взяли на себя практически все хлопоты, связанные с похоронами Джоанны. Мне как писателю поручили nekролог. Мой брат приехал из Виргинии вместе с моими матерью и теткой. Ему позволили заносить в специальную книгу фамилии тех, кто приходил попрощаться с Джоанной. Моя мать — к шестидесяти шести годам она полностью выжила из ума, хотя врачи и отказывались признать у нее болезнь Альцгеймера, — жила в Мемфисе со своей сестрой, двумя годами моложе и сохранившейся немногим лучше, чем она сама. Им доверили резать торт на поминках.

Всем остальным занимались Арлены. Они определяли часы прощания с покойной, они расписали до мелочей церемонию похорон. Френк и Виктор, второй по старшинству, произнесли короткие речи. Папенька Джо предложил помолиться о душе дочери. И наконец, Пит Бридлав, подросток, который летом выкашивал нашу лужайку, а зимой сгребал с дорожек снег, вышиб у всех слезу, спев «Буду восхвалять Господа...» — псалом, который, по уверениям Френка, Джоанна девочкой любила больше других. Как Френку удалось найти Пита и убедить